

Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев

Сборник статей
Под редакцией В. В. Морковкина

Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев

Сборник статей
Под редакцией В. В. Морковкина

Москва
«Русский язык»
1984

ББК 74.261.3

С69

Рецензенты:

кафедра русского языка № 2 УДН им. П. Лумумбы; д-р филол.
наук *Л. К. Граудина* (Ин-т русского языка АН СССР)

**Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому
С 69 языку иностранцев/Под ред. В. В. Морковкина. — М.:
Русский язык, 1984. — 168 с.**

В сборнике рассматриваются теоретические, лексикографические и учебно-методические аспекты сочетаемости слов русского языка.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся проблемами русского языка как иностранного, — преподавателей, авторов и составителей учебников и учебных словарей, пособий и программ, аспирантов и научных работников.

С 4602010000—032 27—84
015(01)—84

ББК 74.261.3

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена рассмотрению различных сторон одной из важнейших коммуникативных характеристик слова — его сочетаемости.

Проблема сочетаемости лексических единиц возникла, конечно, не на наших глазах. Как и целый ряд других фундаментальных лингвистических проблем, она осознавалась в науке о языке (недостаточно, может быть, отчетливо) всегда, даже в те времена, когда само языкознание не принято было еще вычленять из филологии. Замечания, и порой весьма ценные, по отдельным аспектам этой проблемы мы находим в трудах многих ученых прошлого.

Однако в истории каждой науки бывают такие периоды, когда та или иная проблема под влиянием определенных внутренних и/или внешних факторов вдруг оказывается в светлой точке научного сознания. Такой период для проблемы сочетаемости слов начался в советской лингвистике с конца 50-х гг. и продолжается по настоящее время.

Можно указать несколько видимых причин пробудившегося массового интереса к сочетаемости слов. Первая и наиболее глубокая причина кроется, по нашему мнению, в определенной переоценке ценностей, начавшейся к этому времени в советской лингвистике, в результате чего в языковедческих работах все более видное место стало занимать обсуждение функционально-речевого аспекта, а следовательно, и сочетательной ценности лексических единиц, закономерностей их сцепления в речи. Другой причиной может считаться ясно обозначившаяся необходимость всестороннего описания русского языка как иностранного и осознание в связи с этим большой практической важности корректного с научной точки зрения решения упомянутой проблемы. Третью причину мы склонны усматривать во влиянии, с одной стороны, фундаментального «Словаря современного русского литературного языка», в котором предпринята попытка отразить наиболее важные сочетаемостные свойства заголовочных единиц, а с другой — теоретических работ, посвященных осмыслению как отраженного в словаре огромного по объему и уникального по содержанию языкового материала, так и опыта, накопленного за долгие годы лексикографирования этого материала. Наконец, четвертая причина несомненно связана с широко известными исследованиями в области построения синтезирующих моделей языка. В рамках этого направления советской лингвистики сделано много чрезвычайно ценных и тонких наблюдений, касающихся закономерностей сочетаемости русских слов, которые, разумеется, никак не перечеркиваются тем обстоятельством, что надежных моделей автономного синтеза речи до сих пор не создано.

Главными объектами современной лингвистической науки являются широко понимаемые семантика и синтаксис. Минимальной языковой единицей, наиболее гармонично сочетающей в себе семантическое и синтаксическое начала, следует признать слово — основную единицу языка и предельную составляющую речи. В отличие от семантики слова, которая относится к числу традиционных лингвистических объектов, синтаксис слова — проблема молодая и гораздо менее разработанная. До недавнего времени синтаксическому рассмотрению подлежали прежде всего предложение и словосочетание. Это и понятно: именно в указанных единицах связи слов даны в непосредственном наблюдении. Однако такой подход приводит к образованию лакуны между лексической единицей (словом), с одной стороны, и синтаксическими единицами (словосочетанием и предложением) — с другой. В действительности же лексика и синтаксис сопрягаются без какого бы то ни было зазора. Больше того, они взаимно проникают

друг в друга, причем обеспечивается это взаимное проникновение тем свойством лексических единиц, которое называется синтаксисом слова. Ведь если слово (лексическая единица) — предельная составляющая предложения, то синтаксис начинается уже со слова, в котором синтаксические связи присутствуют имплицитно, in potentia. Таким образом, мы приходим к понятию сочетательная ценность слова — наиболее общему понятию складывающейся на наших глазах теории сочетаемости слов.

Многочисленные вопросы, возникающие в связи с рассмотрением сочетаемости, несмотря на их значительное разнообразие и далеко не одинаковую важность, могут быть сведены в три обширных проблемных комплекса, которые определяют основные направления в изучении сочетаемости: теоретические аспекты сочетаемости слов, сочетаемость слов как объект лексикографии и сочетаемость слов в аспекте преподавания русского языка иностранцам. Эти направления и стали канвой, определившей структуру сборника.

В качестве Приложения в сборник включены «Проект серии толково-сочетаемых словарей терминов» (автор В. В. Морковкин) и «Выборочная библиография по теоретическим и прикладным аспектам сочетаемости слов» (составитель И. В. Дорофеева).

Сборник рассчитан на преподавателей русского языка как иностранного, авторов учебников и учебных словарей русского языка, составителей учебных пособий и программ по русскому языку, аспирантов и научных работников.

Отзывы о книге просим направлять в Институт русского языка им. А. С. Пушкина, сектор учебной лексикографии (117485, Москва, ул. Волгина, 6) или в издательство «Русский язык» (103012, Москва, Старопанский пер., 1/5).

От редакции. Авторы многих статей, помещенных в сборнике, ссылаются на следующие работы В. В. Морковкина: К вопросу об адекватной семантизации слова. — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова/Отв. ред. В. Г. Костомаров. М., 1971; Опыт идеографического описания лексики. М., 1977; Рассуждение о некоторых лингвистических понятиях в прикладном аспекте. — Русский язык за рубежом, 1979, № 6; Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации. — В кн.: Проблемы сочетаемости слов. М., 1979. (Сб. научн. тр./Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза; вып. 145); Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации. — В кн.: «Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография/Виноградовские чтения. IX—X. М., 1981; Слово как номинативная и коммуникативная единица. — В кн.: Probleme der sprachlichen Nomination. Leipzig, 1982.

Ссылки на эти работы в сборнике не приводятся.

В большинстве статей имеются ссылки на словари, названия которых даются сокращенно:

Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд. испр. М., 1981; в сборнике — Словарь Ожегова.

Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т./АН СССР Ин-т рус. яз. М.; Л., 1948—1965. Т. 1—17, так называемый Большой академический словарь; в сборнике — БАС.

Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1957—1961. Т. 1—4, так называемый Малый академический словарь; в сборнике — МАС.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка/Под ред. П. Н. Денникова, В. В. Морковкина. М., 1978; в сборнике — «Учебный словарь сочетаемости...».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ

В. В. Морковкин

СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА

Как хлорофилл листьям,
нужна семантика людям
Всегда.

От времен мгlistых.
И дальше нужна будет.

Э. Межелайтис

Подход к слову только как к средству именования того, что не есть само это слово, является известной условностью, весьма удобной для изучения некоторых (не всех!) фундаментальных свойств этого феномена человеческого духа. Такое понимание имеет давнюю традицию, которую легко проследить со времен античности¹ через средние века² вплоть до настоящего времени. Условность его состоит в том, что обозначением некоторой вне себя данности содержание слова не исчерпывается.

Будучи представителями мира действительных или мнимых вещей, свойств и отношений, слова в совокупности образуют множество однородных с этой точки зрения единиц. Однако сам факт вхождения в указанное множество оказывается далеко не безразличным к содержательной стороне слова, если последнюю понимать как идеальный коррелят соответствующего общезначимого звукокомплекса. Так, сведения о стилистической отмеченности/неотмеченности, о мотивированности/немотивированности, о степени употребительности, о способности входить в различные лексико-семантические и лексико-фонетические объединения и т. д. несомненно относятся к идеальной, а не материальной стороне слова, т. е. также включаются в его значение. Кроме того, поскольку язык служит прежде всего средством общения и сообщения, слова являются не только обозначающими единицами, но и единицами текста. Если так, то каждое слово обладает свойством объединяться вполне определенным образом с другими словами, причем это свойство обусловлено прежде всего соотносительностью слова с миром вещей, хотя и не только ею. Ясно, что информация об указанном свойстве также может рассматриваться как элемент содержания слова.

Иначе говоря, категория значения может и должна интерпретироваться по-разному в зависимости от того, считаем ли мы слово

¹ Ср.: «Первое мнение, как известно, возглавляют стоики, говорящие, что три [элемента] соединяются вместе: обозначаемое, обозначающее и предмет... Из этих элементов два телесны, именно звуковое обозначение и предмет, одно же бестелесно, именно обозначаемая вещь...» [4, с. 153].

² Ср известную формулу средневековой науки *Voces significant res mediantebus conceptibus* («Слова обозначают вещи через посредство понятий»).

только единицей номинации или учитываем также, что оно представляет собой еще и единицу коммуникации. При анализе названной категории в функционально-речевом (коммуникативном) аспекте нельзя упускать из виду тот факт, что непременно участниками речевой коммуникации являются отправитель и получатель речи, потребности которых различны (второму нужно знать главным образом только то, с каким смыслом соотносится воспринятая им материальная оболочка, тогда как первый должен уметь выбрать материальную оболочку для определенного смысла и правильно сочетать нужное слово с другими словами). Таким образом, план содержания семантически определенного («речевого») слова может быть представлен как трехчленная идеальная сущность, состоящая из абсолютной (номинативной) ценности, относительной ценности (дифференциальные свойства слова на фоне других слов, конкурирующих с ним в сознании носителей языка) и сочетательной ценности.

Приведенное рассуждение не следует понимать так, что элементы значения являются соположенными. Среди них легко выделяется доминирующий, за которым несомненно надо признать абсолютную (номинативную) ценность.

Исходим из того, что абсолютная (номинативная) ценность семантически определенного слова обусловлена соотносительностью с денотатом, т. е. классом вне слова бытийствующих фактов, объединенных общностью существенных признаков. В зависимости от того, идет ли речь о слове как принадлежности индивидуального или общественного сознания и средстве коммуникации либо о слове как единице вокабулярии («рафинированном» слове), различаем три ипостаси абсолютной ценности.

Для каждого носителя языка абсолютная ценность — это денотативное представление, т. е. отображение в индивидуальном сознании совокупности признаков тех единичных объектов (фактов), которые составляют денотат. Для всего соответствующего языкового коллектива она выступает как денотативное значение — отображение в сознании людей таких существенных и несущественных признаков денотата, которые обладают свойством общезначимости для носителей данного языка. Денотативное значение обеспечивает самую возможность общения на языке.

При рассмотрении слова как единицы вокабулярии абсолютная ценность слова сводится к сигнификативному значению — отображению в сознании минимальной совокупности тех черт денотата, указание на которые является достаточным для его выделения и обозначения. (Подробнее об упомянутых и других элементах плана содержания слова см. наши предыдущие работы.)

Абсолютная (номинативная) ценность слова мотивирует и его относительную ценность и, что нас прежде всего интересует сейчас, его сочетательную ценность.

Сочетательная ценность слова определяется его сочетательным потенциалом. Сочетательным потенциалом называется совокупность лексических единиц, каждая из которых способна соединяться с данным словом для обозначения определенной ситуации или (что то же) для выполнения определенного смыслового задания, а также совокупность правил такого соединения.

Основную массу лексических единиц, входящих в сочетательный потенциал слова, составляют те, что уже сопрягались с ними в речи. «Говорящий — не писатель, не художник слова — обычно

не творит язык, а, в основном, повторяет, воспроизводит те сочетания, которые были до него созданы в данном обществе» [5, с. 40]. Кроме того, в сочетательный потенциал слова входят лексические единицы, хотя и не употреблявшиеся ранее с данным словом, однако образующие при соединении с ним словосочетания, отражающие реальные или представимые ситуации. Иначе говоря, слово хранит «воспоминание» о всех прошлых контекстах (словосочетаниях, предложениях), в которых оно участвовало, и несет на себе тень всех будущих контекстов, в которых оно может участвовать согласно своей природе. Семантическим ограничением объединения в речи разных слов является отсутствие в их денотативных значениях общих компонентов либо наличие компонентов несовместимых [1, 6].

Что же это за компоненты и каков механизм их актуализации? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо подробнее рассмотреть детотативное значение слова.

Денотативное значение семантически определенного слова представляет собой определенным образом организованную совокупность более простых (в идеале — элементарных) смыслов, которые называются семами. Как известно, в лингвистической литературе предложено немало определений этого термина. Однако в настоящем рассуждении ни одно из них не может быть принято без существенных оговорок, поскольку, как правило, они характеризуются значительной степенью неопределенности.

Поясним свою мысль на примере, используя определение понятия «сема», принадлежащее В. Г. Гаку: «Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей данного языка различительных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему» [2, с. 93]. Приведенная дефиниция на первый взгляд кажется весьма строгой. Однако остается неясным, какого рода «различительные черты, объективно присущие денотату» следует считать семами. Является ли семой слова *вода* информация о свойстве обозначенной этим словом субстанции превращаться при определенной температуре в пар? Или семой слова *часы* информация о свойстве соответствующего механизма издавать при функционировании характерный звук («тикать»)? С точки зрения приведенного определения ответить на эти и подобные вопросы затруднительно.

Прежде чем предложить определение семы, отметим, что каждая смысловая единица, называемая упомянутым словом, должна обладать и, как кажется, обладает двумя рядами свойств. Ее характеризуют, во-первых, определенные сущностные свойства (т. е. она отражает нечто в обозначаемой словом сущности), во-вторых, некоторые статусные свойства (т. е. она занимает определенное место, обладает определенным статусом в семной структуре слова), причем между теми и другими усматривается связь.

Представление о характере сем дают синоптические схемы смысловой классификации лексики языка, подобные тем, которые предвзвешивают идеографические словари тезаурусного типа.

Существуют идеографические словари трех типов: тезаурусного, аналогического и тематического.

Идеографические словари тезаурусного типа приводят в известность смысловые группировки лексики, реально существующие в языке, и позволяют тем самым моделировать строение понятийного пространства, покрываемого лексикой языка. Смысловый спектр, а следовательно, и понятийная рубрикация в таком словаре не задаются, а воссоздаются на основе классифицирующего анализа значений определенного лексического массива.

Идеографический словарь аналогического типа совмещает алфавитное и смысловое расположение лексики. Слова следуют в нем по алфавиту, однако лексические единицы, связанные по смыслу, группируются вокруг так называемых слов-центров, или смысловых доминант.

В идеографическом словаре тематического типа рассматриваются не любые однозначные лексические единицы и не любые лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных лексических единиц. Объектом описания в нем являются главным образом такие единицы, которые характеризуются очевидной тематической прикреплённостью (связанностью). В словаре этого типа смысловой, а следовательно, и тематический спектры в отличие от идеографических тезаурусов не воссоздаются, а задаются исходя из тех или иных практических (главным образом, педагогических) потребностей.

Верхним пределом в таких классификациях является обычно нерасчлененный смысловой континуум, покрываемый всей лексикой языка, а нижним — смысловой отрезок, обозначенный отдельным словом. Между этими крайними точками происходит последовательная редукция смыслового континуума посредством выделения все более и более содержательных (конкретных) понятийных классов вплоть до класса, соотносимого только с одним словом. На каждом шаге разбиения смыслового континуума лексика распределяется по соответствующим классам без остатка. Иначе говоря, на всех ярусах классификации всякое слово соотносится с определенной классификационной рубрикой. Например, если на первом шаге классификации смысловой континуум делится на «абстрактные категории» и «материальный мир», то слово *человек* относится к лексической совокупности, соотносимой с понятием «материальный мир». На втором шаге, когда «материальный мир» расчленяется на «неорганическую материю» и «органическую материю», названное слово относится к последнему. На третьем шаге «органическая материя» распадается на «мир растений» и «мир живых существ», и слово *человек* оказывается в лексическом классе, объединяемом понятием «мир живых существ», и т. д.

Однако для того чтобы слово было отнесено к некоторому гомогенному в определенном отношении лексическому классу, оно должно обладать признаком, на основании которого производится его включение в этот класс. Если так, то появляется возможность сообщить термину «тема» некоторое реальное содержание посредством соотношения его с указанным выше признаком и, таким образом, сформулировать операциональное определение этого термина. Семой будем называть значимые доли денотативного значения, представляющие собой отражение в сознании такого признака обозначаемой словом сущности, на основании которого оно включается в один из лексических классов, формируемых в процессе смысловой классификации лексики, или (что то же) выделяемых в процессе последовательного разбиения смыслового континуума, покрываемого лексикой языка.

Таким образом, слово хранит в своей семантике информацию о всех лексико-семантических классах разных уровней, в которые оно входит, причем, поскольку информация о каждом таком классе представлена в денотативном значении отдельной семой, то количество сем должно быть в идеале равным количеству указанных лексико-семантических классов. Это рассуждение делает, к слову сказать, вполне очевидным изоморфизм идеографического и толкового словарей с точки зрения их способности приводить в известность абсолютную ценность лексико-семантических единиц. В толковых словарях абсолютная ценность заголовочных единиц выявляется и фиксируется посредством эксплицитного указания семного состава (ср. [3]), а в идеографических то же осуществляется имплицитно: семный состав каждой лексико-семантической единицы восстанавливается последовательным указанием классов идеографической классификации, в которые эта единица входит.

Правда, отмеченный изоморфизм не бросается в глаза из-за количественного несовпадения семного состава, представленного в толковании, и семного состава той же лексико-семантической единицы, восстановленного посредством перечисления рубрик идеографической классификации. Однако это несоответствие мнимое. Ведь толковые словари, во-первых, адресованы человеку, а не машине, и, во-вторых, их дефиниции строятся с помощью слов естественного, а не искусственного языка. Следствием первого положения является тот факт, что задача толкового словаря обычно состоит (вопреки распространенному среди нелексикографов мнению) в сведении сложного, каковым является семантика заголовочной лексической единицы, не к элементарному, а к более простому. Из второго положения вытекает, что, если бы мы и захотели свести сложное (т. е. семантику заголовочной лексической единицы) к элементарному, то не в состоянии были бы это сделать по той причине, что денотативные значения слов естественного языка состоят обычно более чем из одной семы.

Семы, составляющие в своей совокупности денотативное значение лексической единицы, занимают в рамках значения разное положение, т. е. имеют разный статус. Свойства семы, определяющие ее статус, будучи производными от сущностных свойств, отражают разную системную и функциональную значимость семы. Понятие статуса семы рассматривается, таким образом, в качестве родового по отношению к понятиям «системная значимость семы» и «функциональная значимость семы».

Системная значимость является показателем интегрирующей, объединяющей, системообразующей силы семы. Она обусловлена принадлежностью семы к определенному ярусу смысловой классификации лексики языка, причем, чем выше этот ярус, тем выше и системная значимость семы. Иначе говоря, наивысшей системной значимостью обладают семы, соотносящиеся с самыми верхними ярусами смысловой классификации.

Функциональная значимость семы является показателем дифференцирующей, различающей, слововыделяющей силы семы. Она также обусловлена принадлежностью семы к определенному ярусу смысловой классификации лексики, но, в отличие от системной значимости, функциональная значимость тем выше, чем ниже этот ярус. Таким образом, наивысшей функциональной значимостью обладают семы самых нижних (конкретных) ярусов.

Поскольку семы непосредственно не отражаются в материальной оболочке слова, их выявляют опосредованно, с помощью различных процедур парадигматического противопоставления значений. Так, в сигнификате слова *старик* на фоне слова *собака* выделяется сема 'человек', на фоне слова *человек* выявляется сема 'преклонный возраст', а в сравнении со словом *старуха* опознается сема 'мужской пол'. Основное несовершенство этой и подобных процедур состоит в их известной произвольности, следствием которой является постоянная неуверенность, во-первых, в том, все ли семы опознаны, а во-вторых, можно ли считать опознанные семы релевантными.

В качестве средства, позволяющего в значительной степени нейтрализовать указанный недостаток, может выступать определение семного состава денотативного значения с помощью анализа корпуса словосочетаний, в которые входит данное слово. Теоретической основой этого способа служит предположение о наличии фундаментальной связи между семной структурой слова и его сочетаемостью, в согласии с которым всякая сема, входящая в денотативное значение слова, непременно проявляется хотя бы в одном сочетании этого слова с другими словами. Из этого предположения следует, что сочетаемость может использоваться (вместе с элементами парадигматического противопоставления) в качестве весьма надежного инструмента установления реального семного состава слова. Например, способность слова *человек* входить в словосочетание *попасть в человека* говорит о том, что в его сигнификате наличествует сема 'предмет' (ср. *попасть в человека, в носорога, в бочку, в банан, в пятно* и т. п. при невозможности **попасть в заботу, в причинность, во время* и т. п.). Употребление этого же слова в словосочетании *человек живет* свидетельствует о семе 'предмет живой природы' (ср. *человек, клетка, дерево* и т. п. *живет* при невозможности **бочка, банан, пятно* и т. п. *живет*). Словосочетание *нога человека* выявляет сему 'живое существо' (ср. *нога человека, собаки, носорога* и т. п. при невозможности **нога дерева, хризантемы, укропа* и т. п.), а с помощью словосочетания *мнение человека* опознается сема 'живое существо, наделенное разумом' (ср. *мнение человека, врача, соседа, Мухина* и т. п. при невозможности **мнение собаки, носорога, гусеницы*³ и т. п.). Преимущество этого способа состоит, во-первых, в его операциональном характере, а во-вторых, в устранении сомнений относительно релевантности установленных с его помощью сем.

Основываясь на приведенном обсуждении понятия семы, зададимся вопросом, означает ли актуализация денотативного значения *возбуждение всех входящих в него сем* или только некоторой части семной совокупности?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим два словосочетания: *сидеть на стуле* и *сидеть на сейфе*. При их сравнении пред-

³ Возможность таких словосочетаний в случаях персонификации здесь, естественно, не учитывается.

ставляется несомненным, что вероятность появления глагола *сидеть* при существительном *стул* много выше, чем вероятность его появления при существительном *сейф*. Тем не менее словосочетание *сидеть на сейфе* вполне возможно, т. е. глагол *сидеть* способен управлять существительным *сейф*. Естественно предположить, что вероятность появления при указанных существительных глагола *сидеть* обусловлена качеством их денотативных значений.

Действительно, словосочетания, которые образуются в результате заполнения имеющихся при слове синтаксических позиций, в разной степени отражают специфику денотата именно данного слова, т. е. они в разной степени характерны для данного слова. Степень характерности словосочетания для каждого из входящих в него слов можно поставить в зависимость от статуса сем, актуализирующихся в слове в соответствии с семантикой его партнера по словосочетанию. При этом чем более конкретные семы актуализируются у слова в некотором словосочетании, тем характернее для него такое словосочетание.

С указанной точки зрения разница между словосочетаниями *сидеть на стуле* и *сидеть на сейфе* становится совершенно понятной. В первом по требованию глагола *сидеть* в денотативном значении существительного актуализируются семы самого нижнего (конкретного) уровня ('для сидения одного человека'), что автоматически влечет за собой актуализацию и всех других его сем, т. е. всего денотативного значения. Во втором словосочетании тот же глагол возбуждает в денотативном значении слова *сейф* семы только высших уровней ('предмет, имеющий сверху плоскую поверхность') при нейтрализации более конкретных, а значит, и более функционально значимых сем ('со специальным запором', 'для хранения документов и ценностей'), т. е. актуализируется часть денотативного значения слова.

Для дальнейшего обсуждения вопроса необходимо ввести понятия «собственная» и «несобственная» сочетаемость слова.

Поскольку окончательная функциональная определенность сообщается слову семами самого конкретного уровня (т. е. семами с наивысшей функциональной значимостью), только их актуализация, строго говоря, позволяет считать соответствующие словосочетания входящими в круг собственной сочетаемости слова. Таким образом, в первом приближении собственной сочетаемостью слова будем называть совокупность словосочетаний с этим словом, в которых актуализируются семы, отражающие специфику именно его денотата.

Полное представление о собственной сочетаемости слова *врач* дают такие образующие ее словосочетания, как *лечащий врач*, *консилиум врачей*, *врач делает операцию* и т. п., так как они возбуждают самую конкретную из имеющихся в его сигнификате сему ('человек, обладающий профессиональной подготовкой в области медицины и правом лечить людей'), которая и определяет его отдельность. Характерной чертой словосочетаний, составляющих собственную сочетаемость некоего слова, можно считать то, что

его место в этих словосочетаниях замещается только словами более конкретной семантики.

Однако слово *врач* способно употребляться и в составе многих других словосочетаний, в которых у него актуализируются семы менее конкретные, т. е. такие, которые отражают вложение слова в промежуточные идеографические группировки более высоких ярусов, чем та, в которой это слово «оседает» благодаря своей наиболее конкретной семе. Например, словосочетания *высококвалифицированный врач, опытный врач, консультация врача, консультироваться у врача* и т. п. проявляют в денотативном значении слова *врач* уже не упомянутую выше сему, а сему 'человек, обладающий профессиональной подготовкой'. Место существительного *врач* в приведенных и подобных словосочетаниях может заполняться многими другими словами, поскольку последняя сема наличествует в денотативном значении гораздо большего числа лексико-семантических единиц сравнительно с семой предыдущей (ср. *высококвалифицированный специалист, опытный инженер, консультация преподавателя, консультироваться с агрономом* и т. п.). Таким образом, мы приходим к понятию «несобственная сочетаемость слова».

Несобственной сочетаемостью слова называется совокупность словосочетаний с этим словом, в которых актуализируются семы, служащие для отражения любых других (кроме самых специфических) сторон его денотата.

Эти определения, фиксируя наиболее существенное различие между двумя типами сочетаемости, страдают, однако, некоторой жесткостью, затрудняющей их практическое использование. Вслед за многими другими исследованиями нам уже приходилось указывать на то, что между языковыми объектами, равно как и между соответствующими лингвистическими понятиями, обычно нет четких границ: указанные сущности переходят друг в друга плавно, посредством постепенного взаимного перерождения, являющегося в наличии переходных случаев, однозначная квалификация которых вызывает серьезные затруднения. Это заставляет предположить, что собственная и несобственная сочетаемость слова суть понятия не абсолютные, а относительные. Если так, то и разделение словосочетаний с данным словом на такие, которые реализуют его собственную сочетаемость, и такие, которые реализуют его несобственную сочетаемость, должно основываться на процедуре, позволяющей корректно оценивать переходные случаи и учитывать, таким образом, недискретный характер указанных выше понятий.

Теоретической основой процедуры, обладающей искомыми свойствами, могут служить два отмеченных выше момента: понимание семной структуры лексико-семантической единицы и интерпретация тех свойств семы, которые определяют ее статус.

В согласии с первым, если у нас есть некоторая совокупность словосочетаний с данным словом, мы можем эксплицировать его семную структуру, как она отражается данной совокупностью. Такая экспликация производится посредством а) последовательного

анализа упомянутой совокупности и фиксации каждой новой смысловой единицы, возбуждаемой в анализируемом слове его партнером по словосочетанию, и б) упорядочения полученных смысловых единиц (сем) в направлении от наименее определенных к наиболее определенным.

В соответствии со вторым моментом системная и функциональная значимости семы находятся в отношении обратной пропорциональности: системная значимость семы тем больше, чем последняя неопределеннее, тогда как наивысшей функциональной значимостью обладают как раз наиболее определенные (конкретные) семы. Следовательно, если принять, что наивысшая системная значимость семы равна 1, а наименьшая — 0, то функциональная значимость этих же сем будет соответственно 0 и 1. Последовательность сем, расположенных в направлении от наибольшей системной значимости к наименьшей, образует шкалу системной значимости сем данного ЛСВ. Последовательность сем, расположенных по мере убывания их функциональной значимости, составляет шкалу функциональной значимости сем данного ЛСВ.

Поскольку семы располагаются не хаотично, а упорядочены указанным выше образом, показатель системной и функциональной значимости любой другой семы легко рассчитать. Для этого сначала надо определить величину единичного отрезка, характеризующего отстояние одной семы от другой. Величина упомянутого единичного отрезка может быть получена по формуле $d = \frac{1}{b-1}$,

где d — величина единичного отрезка, b — количество выделенных сем. Так, если в слове *стул* ('предмет мебели') на основе анализа его сочетаемости опознано 8 сем (см. таблицу), то величина единичного отрезка будет равна 0,142 ($d = \frac{1}{8-1} = \frac{1}{7} = 0,142$). Зная

величину единичного отрезка, системную значимость любой семы можно рассчитать по формуле $V_s = 1 - (n_s - 1)d$, где V_s — системная значимость семы, n_s — порядковый номер семы по шкале системной значимости, d — величина единичного отрезка, а функциональную значимость — по формуле $V_f = 1 - (n_f - 1)d$, где V_f — функциональная значимость, n_f — порядковый номер семы по шкале функциональной значимости.

С учетом произведенных уточнений, упомянутые выше определения собственной и несобственной сочетаемости могут быть переформулированы таким образом, чтобы они могли учитывать не дискретный характер рассматриваемых понятий. Этой цели вполне отвечают, как кажется, следующие формулировки.

Словосочетания, актуализующие у слова такие семы, функциональная значимость которых выше их системной значимости, составляют собственную сочетаемость этого слова. Иначе говоря, собственной сочетаемостью слова следует считать такую, которая характерна именно для данной лексико-семантической единицы или для ограниченного круга рядоположенных единиц. Собственная сочетаемость отражает отдельность слова. Так, словосочетания *си-*

Стул — 'предмет мебели, обычно со спинкой, для сидения одного человека'

Словосочетания, актуализующие соответствующие семы	Сема	Шкала систем- ной значи- мости	Систем- ная зна- чимость V_s	Шкала функ- циональ- ной зна- чимости	Функ- циональ- ная зна- чимость V_f
Большой, грязный ~ увидеть, купить ~	'предмет'	1	1	8	0
дубовый, детский ~ сломать ~	'[предмет] неосу- ществленный'	2	0,857	7	0,142
полированный, склад- ной ~ делать ~	'[такой предмет] из- готовленный'	3	0,714	6	0,285
положить что-л. на ~ убрать что-л. со ~а стоять на ~е	'[такой предмет] имеющий горизон- тальную поверх- ность'	4	0,571	5	0,428
ножка ~а вытащить что-л. из-под ~а	'[такой предмет] с ножками'	5	0,428	4	0,571
спинка ~а повесить что-л. на ~	'[такой предмет] со спинкой'	6	0,285	3	0,714
сидеть на ~е сесть на ~	'[такой предмет] для сидения'	7	0,142	2	0,857
занять брату ~ в зале	'[такой предмет] для [сидения] одного человека'	8	0	1	1

деть на стуле, сесть на стул и т.п. демонстрируют собственную сочетаемость слова *стул*.

Словосочетания, актуализирующие у слова только такие семы, функциональная значимость которых ниже их системной значимости, составляют несобственную сочетаемость этого слова. Или по-другому: несобственной сочетаемостью слова следует считать такую, которая, будучи вполне нормативной, не отражает, однако, специфики данного слова. Несобственная сочетаемость характеризует не отдельность слова, а его принадлежность к определенной лексико-семантической (идеографической, тематической) группе. Она как бы заимствуется данной лексико-семантической единицей

у слов более широкой семантики, прежде всего у тех, которые обозначают родовые по отношению к ней понятия. Так, словосочетания *грязный стул*, *купить стул* и т. п. демонстрируют несобственную сочетаемость слова *стул*.

Различение собственной и несобственной сочетаемости слова имеет, как можно надеяться, далеко идущие последствия в разных областях практической интерпретации сочетательной ценности слов. Широкое применение оно может найти в лексикографической практике вообще и в словарях сочетаемости в особенности. В частности, все реализуемые в настоящее время в секторе учебной лексикографии Института русского языка им. А. С. Пушкина лексикографические проекты, в которых предусматривается отражение сочетаемостных свойств русских слов, строятся с обязательным использованием рассмотренных понятий.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. — В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Научная конференция: Тезисы докладов. М., 1971, ч. 1.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
4. Секст Эмпирик. Соч.: В 2-х т. М., 1975. Т. I. Против ученых.
5. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.
6. Masterman M. Commentary on the Guberina Hypothesis. — In: Methodos, 1963, N 15.

М. В. Всеволодова

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ И СЛОВОФОРМ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Обычно под сочетаемостью понимается в первую очередь сочетаемость лексических компонентов словосочетания и предложения. Вместе с тем несочетаемыми могут быть не только лексические, но и грамматические компоненты (ср., например, несочетаемость глагола несовершенного вида и темпоральной группы *за + В. п.*: **работал за час*, которая носит отнюдь не лексический характер); несочетаемыми могут быть также лексический и грамматический компоненты (ср., например, **пришел завтра*, где несочетаемыми оказываются форма прошедшего времени глагола и лексема *завтра*). Сочетаемость/несочетаемость некоторых компонентов смысла служит обеспечению сохранения целостности содержательной стороны предложения.

Вопреки распространенному мнению явление сочетаемости/несочетаемости смыслов охватывает и обстоятельственные распространители, в том числе пространственные, временные и причинные. Механизм сочетаемости этих распространителей и распространяемых ими компонентов нельзя выявить в рамках конструктивного

синтаксиса, при формальном подходе к синтаксической структуре предложения. Признавая в предложении наличие структурно-семантического и коммуникативного уровней и понимая необходимость четкого отграничения факторов, определяющих «синтаксические связи слов в составе словосочетания или предложения, от факторов, обуславливающих преобразование и реализацию словосочетаний (предложений) в качестве единиц речевой коммуникации» [9, с. 11], мы, однако, считаем правомерным рассмотрение функционирования этих факторов в теснейшей взаимосвязи, в их диалектическом единстве. Исходя из этого положения мы анализируем не синтаксическую структуру предложения как некоторый виртуальный знак, а синтагматическую структуру предложения-высказывания как речевую реализацию виртуального знака.

Основные закономерности сочетаемости лексико-грамматических компонентов в предложении мы рассмотрим на примере темпоральных конструкций, поскольку именно обстоятельственные, в том числе темпоральные, распространители обычно считаются элементами, не имеющими ни семантической, ни грамматической связи с распространяемым компонентом или с предикативной основой предложения. Традиционно также представление о том, что способы обозначения времени не зависят ни «от того, относится ли временной определитель к отдельному слову, к целому предложению или группе его членов, ни от того, какие грамматические и лексические свойства имеет отдельное слово, которому подчинен временной определитель» [11, с. 237].

При анализе предложения-высказывания каждый его компонент рассматривается как необходимая составная часть. В плане номинации ситуации (пропозитивной номинации) временной (пространственный) распространитель оказывается принципиально важным как единица информации. Компонент, несущий единицу информации, «не может быть изъят без ущерба для семантической структуры предложения. ...Факультативность в коммуникативном плане имеет место в тех случаях, когда информация, заключенная в некотором компоненте, уже передана в этом высказывании (или в контексте. — М. В.) иным способом» [12, с. 4], например: *В ночь на 28 мая казаки ночным налетом ворвались в Почомарево* (О. Смирнов), где прилагательное *ночной* не несет никакой новой информации, в то время как именная темпоральная группа (в дальнейшем ИТГ) *в ночь на 28 мая* передает всю необходимую и достаточную информацию, входя в коммуникативной структуре предложения в состав темы и связывая данное высказывание с предшествующим текстом. Таким образом, коммуникативная устроенность предложения-высказывания является в нашем анализе столь же значимой, как и его синтаксическая семантическая устроенность.

Употребляя по отношению к коммуникативной структуре термин «актуальное членение», оговорим, что рассматриваем актуальное членение как явление содержательное, а не формальное, понимая под актуализацией выделение информативно важного с точки зрения автора высказывания компонента.